

Глава 7. Приданое для ученика

«Слышал я, во владениях ваших имеется Изыщная пагода — творение рук человеческих, столь искусное и чистое, что в помыслах моих лишь одно желание: узреть её подле себя.

Нынешней полночью явлюсь при свете луны, дабы забрать её. Вы же человек утончённый и щедрый, а посему, верно, не заставите меня возвращаться с пустыми руками».

Простое послание на белоснежной бумаге. Вместо подписи — лишь забавный рисунок: круглый, пухлый лис с огромным пушистым хвостом, расплывшийся в довольной улыбке.

Этот клочок бумаги, на первый взгляд ничем не примечательный, заставил содрогнуться весь Сучжоу.

Отправителем был некий Буддийский лис — вор, объявившийся в мире боевых искусств три года назад. Откуда взялось столь странное прозвище? Всё дело было в том самом рисунке: зверь на нём выглядел таким упитанным, добродушным и беззаботным, что неуловимо напоминал смеющегося Будду Майтрею. Именно за это сходство люди в Цзянху и нарекли его так.

Буддийский лис слыл благородным разбойником: он обкрадывал лишь алчных купцов да продажных чиновников. Конечно, как ни приукрашивай, в конечном счёте он оставался вором. Однако вором невероятно искусным. С самого первого дела он не знал ни единой неудачи. Более того — никто и никогда не видел его лица. Не было известно даже, мужчина это или женщина, старик или юноша.

Перед каждым делом Лис присылал хозяину дома уведомление, в котором заранее указывал даже предмет кражи. Подобное поведение граничило с безумием и запредельным высокомерием, однако никто не осмеливался относиться к этим письмам легкомысленно.

За три года те, кто поначалу пытался насмеяться над Лисом, горько поплатились. Теперь же простая белая карточка стала костью в горле для любого разжиревшего взяточника или бесчестного дельца. Многие мечтали отправить наглого вора на тот свет, но как поймать того, кто подобен ветру? Даже если бы Буддийский лис встал перед ними средь бела дня, его никто бы не узнал.

В своё время уездный правитель Янчжоу уходил на покой. Дело было житейское, да только старик этот накопил за годы службы несметные богатства. Он был настолько богат, что даже для нарезки лука держал отдельного слугу, а золото и серебро при возвращении в родные края едва уместилось в три огромных сундука.

И вот, за день до его отъезда, в поместье доставили ту самую записку. Правитель был человеком осторожным и о Буддийском лисе слышал немало. Пользуясь властью, он согнал пять сотен отборных солдат. Те оцепили дом в три кольца — мышь бы не проскочила, не то что

человек. Но даже такая охрана оказалась бессильна. После полуночи сокровища, накопленные за полжизни, исчезли без следа. Что самое поразительное — никто из челяди и стражи ничего не заметил. Старик-чиновник от ярости едва не отдал богу душу.

Три сундука золота — вес нешуточный. Пятеро крепких мужей едва бы сдвинули их с места. Как же Буддийскому лису удалось в одиночку и в полной тишине вынести всё это добро, не потревожив ни души? Казалось, здесь не обошлось без магии.

Полгода назад главарь банды с озера Тайху вырезал всю семью Ма из Цзиньлина ради Драгоценного меча из белой яшмы. Той же ночью он получил белое письмо. Тот был человеком в тех краях весомым и для пущей уверенности пригласил к себе десятерых мастеров боевых искусств. Меч он и вовсе положил перед собой, не спуская с него глаз. Но стоило пробить полночь, как клинок исчез. Грозный бандит даже не понял, в какой момент лишился добычи.

Одного этого случая хватило бы, чтобы прославить Буддийского лиса на весь мир. А ведь за три года он не совершил ни единой ошибки.

В последнее время ремесло воров стало в Цзянху на редкость популярным. Даже юнцы, едва покинувшие порог родного дома, пытались пробраться в чужие сокровищницы под покровом ночи, надеясь доказать свою удаль. Правда, большинство из них заканчивали тем, что ели тюремную баланду.

***

Мелькали густые тени деревьев, оставаясь далеко позади. Он двигался легко, почти невесомо, ступая по лунному свету. Ночной ветерок раннего лета приятно охлаждал лицо, принося с собой свежесть.

Прозрачная, лишённая изъянов Изящная пагода сияла в лунных лучах, испуская мягкое мерцание. Лин Сяо немного покрутил её в руках, любуясь игрой света, и лёгким движением запястья заставил бесценное сокровище исчезнуть.

Для простых смертных такая вещица была верхом совершенства, редчайшим даром небес. Но для небожителя, вдоволь наглядывшегося на диковины Небесных чертогов, пагода была лишь забавной игрушкой. Каким бы искусным ни было земное творение, разве могло оно сравниться с сокровищами богов?

За последние три года он украл столько редкостей, что ими можно было завалить небольшую гору. С чего бы это бессмертному, издревле не ведавшему ни желаний, ни пристрастий, копить золото и побрякушки, которые для него не ценнее мусора? Всему виной была фраза, невзначай брошенная Старой госпожой Сюй: «Надо копить на выкуп за невесту!»

Даже полуслепая старуха отказывала себе во всём, экономя каждый грош, чтобы внук в будущем мог привести в дом достойную жену. Мог ли он, учитель, заботиться о своём ученике

меньше? Тем более что будущая «невестка» — фигура непростая. Город Белых Облаков богат настолько, что может поспорить с целыми странами, а значит, и его ученик не должен ударить в грязь лицом. Хоть Лин Сяо и был далёк от мирских условностей, принцип «равного брака» понимал отчётливо.

Правда, теперь он, по сути, заимствовал славу и почерк будущего Чу Лиюсяна. Интересно, повлияет ли это на судьбу того через сотню лет? Появится ли в мире великий Маршал воров?

На эту мысль Лин Сяо лишь усмехнулся — в его улыбке промелькнуло нечто лукавое и даже капельку демоническое.

«А какое мне до этого дело?» — подумал он и бесследно растворился в ночной мгле.

***

Городок Пинъань оставался всё тем же тихим и мирным местом, где люди жили в согласии и покое. Наступило начало лета, и всё вокруг утопало в сочной зелени.

Мальчишки и девчонки, точно обезумев от радости, носились по мощёным улочкам, оглашая окрестности звонким смехом и криками. Время от времени взрослые строго прикрикивали на них, призывая к порядку. Сорванцы тут же врассыпную бросались вон из городка, увлекая за собой товарищей.

Симэнь Чуйсюэ уже исполнилось пять лет. Среди этой компании он был самым младшим, но неизменно скакал впереди всех. И дело было не в какой-то невероятной выносливости или врождённом таланте бегуна, а в том, что у него имелось личное средство передвижения.

Белоснежный огромный волк выглядел величественно и грозно. Его гладкая шерсть отливала золотом на солнце, а под кожей при каждом движении перекачивались тугие мышцы, в которых чувствовалась сокрушительная мощь. Длинный пушистый хвост вытягивался в линию при быстром беге.

Маленький мальчик сидел на спине волка, выпрямившись, и с достоинством короля вёл за собой ораву кричащих детей. Эта причудливая картина за последние годы стала неотъемлемой частью пейзажа Пинъаня.

У самого въезда в городок стоял крохотный храм Туди-гуня. Перед ним на земле лежали пара тарелок с подношениями да курильница, полная пепла. По обе стороны от широкого тракта раскинулись бескрайние поля. Лёгкий ветерок доносил до ребят аромат свежих трав.

Едва сорванцы добежали до храма, как столкнулись с другой группой детей. Дорогу им преградила девочка с двумя косичками и венком из цветов на голове. Уперев руки в бока, она грозно прищурилась:

— Вы это что тут затеяли?

— А тебе-то какое дело? — огрызнулся самый высокий мальчик из толпы. — Перчинка, отойди с дороги, не мешай нам!

Девочка, которую прозвали Сяо Лацзяо за колючий нрав, вспыхнула от гнева:

— Чоу Ядань, ты жить надоело?! — Она властно взмахнула рукой: — Подружки, за мной! В атаку!

По её сигналу пять девчонок окружили рослого паренька и принялись нещадно щипать его. Тот отчаянно отбивался и орал:

— Помогите же!.. Ой, больно! Полегче...

Мальчишки уже были готовы броситься на выручку товарищу, но Перчинка пресекла их попытки. Семилетняя девчушка встала в позу «чайника» и пригрозила:

— А ну, назад! Кто только попробует вмешаться — я всё матери расскажу! Скажу, что вы меня обижали!

Видимо, матери Сяо Лацзяо в городке боялись не на шутку: мальчики тут же замерли, не решаясь шевельнуться.

Сюй Баоэр, переваливаясь с ноги на ногу, осторожно подобрался к белому волку и шепнул:

— А-Сюэ, мы правда не будем помогать?

Сяо Чуйсюэ тем временем что-то сосредоточенно искал за пазухой. Наконец он выудил мягкое, ароматное лакомство — кекс с цветами корицы, откусил кусочек и, тщательно прожевав, ответил тонким детским голоском:

— Ты же сам говорил, что тебе нравится Перчинка. Если мы ввяжемся, она разозлится. Ты этого хочешь?

— Тсс! Потише ты! — Сюй Баоэр густо покраснел. Он бросил быстрый взгляд на боевитую девчонку и тут же уткнулся в землю. — Ну... она просто такая классная... Никого не боится.

Симэнь Чуйсюэ тихо фыркнул:

— Настоящая задира. Не понимаю, что ты в ней нашёл.

Между тем натиск девочек стал невыносим. Помощи ждать было не от кого, и Чоу Ядань сдался:

— Всё, всё, сдаюсь! Только не щипайтесь! Перчинка, вели им остановиться, больно же...

Девочка торжествующе улыбнулась и сделала знак подругам отступить. Заложив руки за спину, она неспешно подошла к поверженному противнику:

— Понял теперь, кто здесь главный?

Мальчик, хоть и кипел от негодования, вынужден был смиренно кивнуть.

— Тогда выкладывай, — вскинула подбородок Перчинка. — Куда это вы так неслись?

— Гулять, — буркнул Чоу Ядань.

— А во что играть собрались? — не унималась она.

— Ещё не решили. Думали здесь на месте сообразить.

Услышав это, Сяо Лацзяо просияла. Она взмахнула рукой и объявила:

— Берёте нас с собой. Будем играть в свадьбу.

— Девчонки такие девчонки, — проворчал паренёк. — Вечно у них на уме игры для неженков.

Перчинка гневно сверкнула глазами:

— У тебя какие-то возражения?

Мальчик поспешно замотал головой и отступил на пару шагов.

Удовлетворённая такой реакцией, девочка сняла венок и повертела его в руках:

— Решено! Я буду невестой. А кто будет женихом?

Мальчишки притихли. Чоу Ядань, желая загладить вину, выпятил грудь:

— А тут и спрашивать нечего. Конечно, я.

Перчинка окинула его взглядом, полным брезгливости:

— Ещё чего! От тебя несёт за версту, Протухшее утиное яйцо. Не хочу я за тебя замуж.

«Да больно надо на тебе жениться! Злюка!» — бушевал мальчишка в душе, но вслух ничего не сказал — побоялся тумаков.

— Ну и кого же ты тогда хочешь в женихи? — обиженно спросил он.

Она обвела присутствующих взглядом и остановилась на одном человеке. Перчинка ткнула пальчиком:

— С ним буду венчаться!

Все взгляды обратились в указанном направлении. Там, на спине белого волка, чинно восседал ребёнок в белоснежных одеждах. Кожа у него была нежной, точно фарфоровая, а губы — розовыми и пухлыми. Сейчас он сосредоточенно жевал кекс, отчего его щечки смешно раздувались, напоминая маленького хомячка.

Поняв, что все смотрят на него, Сяо Чуйсюэ проглотил последний кусочек, отряхнул ладошки и произнёс нежным голоском:

— Я не согласен.

И, не давая ей вставить ни слова, добавил:

— Можешь взять в женихи Маленького толстяка Сюя.

Перчинка вскинула брови. Она с презрением посмотрела на покрасневшее лицо Сюй Баоэра и зло выплюнула:

— Стану я ещё с этим жирным поросенком связываться! Урод какой!

Радость, едва вспыхнувшая в душе Баоэра, тут же погасла. Он понурил голову.

Симэнь Чуйсюэ постарался выглядеть максимально холодным — правда, на пухлых щечках это смотрелось скорее забавно.

— А мне не нравится Перчинка, — медленно проговорил он. — Слишком злая.

— Ты... ты что сказал?! — голос девочки задрожал от обиды.

— Мой учитель говорил, что женщины — это тигрицы. Сейчас ты маленькая тигрица, а вырастешь — станешь большой. Никто на тебе не женится, побоятся.

— У-у-у! — Девочка, хоть и была острой на язык, оставалась всего лишь ребёнком. Обида от того, что её отверг тот, кто ей нравился, переполнила её. Она с силой швырнула венок на землю и бросилась прочь, к городку. — Ты меня обидел... Я маме всё расскажу, хнык-хнык...

Подружки тут же кинулись за ней.

Оставшиеся мальчишки ликовали.

— Симэнь Чуйсюэ, ты просто супер! Так уделал эту Перчинку, что она аж разрыдалась!

— Будет знать, как над нами командовать! Ха-ха!

Но кто-то всё же выказал опасение:

— А если она правда матери нажалуется? Тётушка опять пойдёт моей мамке выговаривать...

— Да брось ты! Если она и пойдёт жаловаться, то только к господину Лину. А тот так любит Сяо Чуйсюэ, что точно его не накажет.

— Это точно. Тётушка, какой бы грозной ни была, с господином Лином спорить не решится.

Мальчишки шумно спорили, но Симэнь Чуйсюэ их не слушал. Он с тревогой поглядывал на притихшего Баоэра. Маленький мастер меча нахмурился, и его лицо превратилось в смешную «булочку».

— Перчинка всё наврала, — наконец сказал он, похлопав ресницами. — Ты хоть и толстоват, но совсем не урод.

И это была чистая правда. Сюй Баоэр действительно был полноват — ладно уж, очень пухл, — но черты лица у него были правильными и даже красивыми.

Однако сам Баоэр, похоже, так не считал. Он молчал, понутив голову и изо всех сил сминая край одежды пухлыми пальчиками.

Симэнь Чуйсюэ забеспокоился. Он легонько хлопнул белого волка по спине. Величественный зверь тут же послушно подогнул лапы и лёг на землю. Мальчик, обхватив белого волка за шею,

аккуратно сполз вниз. Оказавшись на земле, он важно отряхнул одежду и подошёл к другу:

— Подумаешь, игра в свадьбу! Мы и сами на Перчинку не посмотрели бы. Найдём себе кого-нибудь получше.

Сюй Баоэр бросил на него жалобный взгляд и снова отвернулся.

Симэнь посмотрел на его поникшие плечи, нахмурился, размышляя, и вдруг подобрал валявшийся в пыли венок. Встав на цыпочки, он водрузил цветы на голову Баоэра, который был чуть выше него. Затем схватил растерянного друга за руку и подтащил к остальным ребятам:

— Мы тоже будем играть в свадьбу.

— А? — Мальчишки так и разинули рты.

Симэнь Чуйсюэ, сохраняя предельно серьёзный вид, объявил:

— С этого момента я — жених, а Сюй Баоэр — невеста. А ну, встали ровно, сейчас венчаться будем.

— Да ладно! Маленький толстяк Сюй слишком... ну, толстый для невесты!

— Разве невестами бывают не только девчонки? Мальчишкам полагается быть женихами!

— На ком венок — тот и невеста, — отрезал Симэнь, строго глядя на спорщиков. — Учитель говорил, что мужчины тоже могут вступать в брак. Мы с Баоэром... как там... «любим друг друга взаимно». Вот! Учитель сказал: если любовь взаимная, значит, можно и свадьбу играть.

И, добавив в голос побольше властности, закончил:

— Вы с нами или нет? Если нет, мы и вдвоём справимся.

Услышав это, мальчишки, хоть и ничего не поняли про «взаимную любовь», поспешно закричали:

— Будем, конечно будем!

— Свадьба, у нас свадьба! Баоэр, поправь венок, съехал же!

— Я буду объявлять! Так, первый поклон — родителям!

— А кто будет за родителей?

... В погожий летний полдень на холме разыгрывалось причудливое и шумное действо. Детский смех и крики разносились далеко по округе, тая в мареве знойного дня.

<http://bllate.org/book/17402/1656982>